

Telegraph Magazine

Журнал «Телеграф мэгэзин»,
Великобритания

БЫВШИЕ МОНАШЕНКИ ПРОМЕНЯЛИ ХРИСТА НА АПОСТОЛА НАСИЛИЯ

Несгибаемая Аугуста, что молилась на «красную книжечку» Мао и накликавала революционную бурю в своих родных Андах. Фанатично преданная Елена, любовница и бомбистка. Бывшая монашенка Нэлли, что устраивала встречи боевиков на явочных квартирах в Лиме. Прима-балерина Марица, которая перешагнула через своих элитарных знакомых, чтобы стать сообщницей террористов. Что объединяет эти женские судьбы?

Ответ прост: каждой из них выпало сыграть роль, в чем-то роковую, в жизни одного человека. Имя его — Абимаэль Гусман.

Его называли «президентом Гонсало», он сам придумал для себя этот титул, или «Четвертым мечом» марксизма-ленинизма-маоизма». Гусман — глава «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»), действующей в Перу террористической организации.

Британский журналист Николас Шекспир выслеживал его на протяжении многих лет. Именно он собрал по крупицам и восстановил события, приведшие к аресту неуловимого Гусмана.

...Сельсо Гарсия Лекка, 66-летний композитор, обсуждал со своей возлюбленной, танцовщицей и хореографом Патрицией Авапарой постановку балета «Антигона» на свою музыку. В главной роли — племянница композитора и подруга его пассии — 27-летняя Марица Лекка. Девушка из зажиточной семьи, известная балерина, которую не без оснований прочили в примадонны Перу, она открыла ча-

стную школу в одном из богатых кварталов Лимы, но в последнее время стала пропадать, пропускать репетиции. Было решено навестить ее дома.

Прихватив бутылку вина, артистическая пара нагрянула в гости. Поговорили о новом прочтении роли Антигоны, о костюме для Марицы. Когда дядя и подруга отправились восвояси, им преградили путь неизвестные, закрыли глаза повязками, втащили обратно в дом и заставили лечь на пол.

Они пролежали на паркете, связанные, всю ночь, а наутро их отвезли в полицейский участок. Они увидели перед собой самого разыскиваемого по всей Латинской Америке человека — «президента Гонсало», а рядом — беснующихся женщин, выкрикивающих: «Да здравствует Гусман!» В одной из них дядя узнал племянницу и не поверил глазам: с искаженным ртом, высоко поднятым кулаком она скандировала вместе с другими.

С 1980 года Гусман находился в бегах. Но не проходило дня, чтобы в городах не взлетали на воздух автомобили, на-

чиненные взрывчаткой, гибли невинные люди — священник, заезжий турист, играющий в мячик ребенок. За 30 лет террора экстремисты, ступившие на «сияющий путь» гражданской войны, убили 26.785 сограждан.

В июле 1992 года в столичном районе Мирафлорес разорвалась бомба весом 800 килограммов. Погибли 18 человек. Из уст организаторов убийства, не скрывавших, что это дело рук «Сендеро луминосо», на весь мир разнеслось: «Мы подошли к моменту, когда пора брать власть»...

Школа танцев Марицы, куда записывались дети состоятельных родителей, готовых платить по 15 долларов за час, была местом сбора главарей «Сендеро луминосо». Вместе с Гусманом взяли еще двух членов центрального комитета и Елену Ипаррагире, второе лицо в группировке, интимно близкую к «президенту Гонсало». А втянула Марицу в эту двойную жизнь ее тетя, Нэлли Эванс, в прошлом — монахиня, решившая посвятить себя делу освобождения униженных и угнетенных.

Сперва она обратила свои помыслы к Христу. Потом его место занял Гусман. «Его последователи, среди которых немало бывших монашенок, обожают его, как Бога», — пишет Шекспир, драматург, знавше-

го толк в человеческих трагедиях.

Долгие месяцы специальные агенты, изображая то влюбленных, то садовников, бережно поливавших африканские тюльпаны на улице Нумеро Уно (и сегодня она остается самым ухоженным уголком Лимы), прогуливались под окнами. Из мусорных баков выгребали содержимое: вот баночка с лечебным кремом, которым пользуется Гусман, страдающий чесоткой, пачка из-под его любимых сигарет «Уинстон», упаковки продуктов, которых Нэлли закупала намного больше, чем требуется двум одиноким женщинам.

За десять лет Гусман дал всего одно интервью газете, в котором метал громы и молнии маоистских догм. Газетные строки сопровождала его размытая фотография. Удалось раздобыть две видеозаписи. Зачем после длительной конспирации оставлять следы? Версия Шекспира: Гусман почувствовал опьянение властью, захотелось оставить потомству свой образ.

На видеокассете запечатлен седобородый тучный мужчина в момент, когда целует в губы свою мертвую жену. Звали ее Аугуста. Она последовательно готовила победу маоистской революции, противилась тому, чтобы бойцы спустились с горных вершин в долины и города, на чем настаивала Елена Ипар-

рагире, будущая любовница Гусмана.

Аугуста проиграла сопернице, которая сперва убедила Гусмана перенести боевые действия в столицу, а затем заняла ее место на брачном ложе. До сих пор неизвестно: было ли это самоубийство или заказная смерть?

Второй сюжет: Абимаэль и Елена танцуют на полу, устланном цветочными лепестками, а сподвижники аплодируют. Гусман, как и на первой пленке, выглядит так, словно находится под воздействием наркотиков.

Во время ареста Елена была точно в столбняке. Одной рукой пыталась не допустить, чтобы кто-либо дотронулся до Абимаэля, другой размахивала красным флагом. Позднее, во время свидания в тюрьме на острове Сан-Лоренцо, Елена будет хлопотать над Абимаэлем, как курица над цыпленком: «Они с тобой хорошо общаются? Ты принимал лекарство? Здесь ужасно сыро. Можно, я дам тебе свою шаль?»

Образ Елены Ипаррагире вырисовывается четкими штрихами, без полутониров. Характер Марицы Лекка вылеплен из мозаичных элементов, где с набожностью (девочка трижды в неделю посещала католический собор) соседствует выстрадавшее убеждение — можно взорвать бомбу, которая убьет ребенка, если это дела-

ется во имя будущего мира, где дети никогда не будут погибать.

В 1986 году Марица побывала на Кубе и вернулась в полном восхищении. Отринула классический балет. Из чудовища, что очаровывала в «Золушке» Прокофьева, превратилась в танцовщицу, на девушку маскировочную униформу перуанских военных, чтобы воплотить на сцене насилие. Молодой поэт, который познакомил ее после развода с мужем со своими друзьями левых убеждений, поразился, как быстро она нашла с ними общий язык. В их жилище над

кроватью висела увеличенная до внушительных размеров фотография Ленина...

Суд на Марицей проходил на скорую руку на одной из секретных военных баз. Она не могла видеть своих судей — ее окружали на решетки, а зеркала. Приговор не оставил никаких надежд — пожизненное заключение в тюрьме строгого режима на острове Титикака. Но он не сломил балерину, ставшую на «сияющий путь». Когда ее навестила мать, которая привезла теплые вещи и хотела приглубить заблудшую дочь, Марица заявила, что не хочет никого видеть. «Скажите

матери, что я умерла для нее. Живу только для революции», — был ответ Марицы.

Аугусту революция позвала в горы. Елену — в водоворот городского мятежа. Монашенку Нэлли идеалы насильственного изменения мира привели от Христа к исповедующему воинственный атеизм антихристу. Марицу от классического балета к романтике террора, воплощенного в фигуре Гусмана. Финал шекспировской драмы был разыгран на фоне тюремных стен.

Владимир МИХЕЕВ.

На снимках: Марица: путь от талантливой балерины к поклоннице террора. Итог — пожизненное заключение в тюрьме особого режима.